

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА

ЕСТЬ МНЕНИЕ

При чём здесь цензура?

Марат Гельман — политтехнолог, и печать политических технологий лежит на всех его действиях

Алексей Копысов,
доцент Пермского национального
исследовательского
политехнического университета

Марат Гельман представляется большинству «галеристом», то есть человеком искусства и культуры. Это правда. Но не вся — и даже не большая её часть.

Некоторые думают, что он делец, «продавец воздуха», способный задорого впарить любую дрянь под видом культуры. Некоторые — ещё хуже. Для других он — мессия, принёсший в наше захолустье живительный глоток современного искусства. Эти люди почему-то забывают про убитую «Камву» и то, что, например, Владимир Спиваков свой фестиваль начал проводить в Перми задолго до появления здесь Марата Гельмана.

А я не забываю другое. Марат Александрович — крупнейший политтехнолог, и печать политических технологий лежит на всех его действиях: и на продвижении проектов, и на способах продаж, и на борьбе за медиаизвестность, и на способах GR и лоббирования своих интересов. Как показали последние две недели, он — политтехнолог, это видно по тому, как он оправдывается и отбивает атаки и как он контрактирует.

Гельман действительно сумел развернуть повестку дня, а кое в чём и перейти в атаку. Именно он сумел вбросить в ответ на мем о «Чебурашка-гейте» три ответных мема — об «атаке не на Гельмана, а на Басаргина», о «юморе и сатире» и о «недопустимости цензуры».

Именно эти мемы подхватили довольно многие приличные люди. «Я, конечно, не защищаю Гельмана, но цензура недопустима». «Вы хотите лишить Пермь праздника, нас покинет Спиваков». «Чего вы так окрысились на милый юмор». «Да, это злая сатира, помните, как Гитлера Кукрыниксы рисовали?»

Ну что ж, с Кукрыниксов и начнём. Пример удачен. Симметрично удачный пример (но более точный) и у критиков Слонова — так изображали Россию в карикатурах французы во времена Наполеона и фашисты во времена Геббельса. Почему удачный? Потому что и Кукрыниксы, и геббельсовские мастера искусства рисовали врага. С ненавистью. Неправдиво. Злобно. Занимались пропагандой. Давили врага сатирой.

Творчество Василия Слонова источает ненависть. К моему глубокому огорчению, ненависть к России. Мне доводилось слышать: «В этой стране ничего

Двухнедельная дискуссия в медиа о выставке художника Василия Слонова, о «Белых ночах» и о роли Марата Гельмана в пермской жизни свелась преимущественно к вопросам «Кто ответит за это безобразие?», «Кто кого подставил?», «На кого накат?» и «Допустима ли цензура?». Я имею привычку, когда вижу вопросы, не только сразу искать на них свой ответ, но при этом ещё и размышлять, правильно ли они заданы, те ли это вопросы и все ли они.

Так Россию политические карикатуристы изображали в XIX веке

кроме спорта, космоса и природы хорошего нет». Как отработать заказ на ненависть к природе России, ещё не придумали, а со спортом и космосом уже справляются.

Культурная дама заявляет: «Для меня пропал блеск медалей Родниной и Третьяка». Чёрт побери, а для миллионов сограждан их блеск ничуть не померк! И теперь массово гасят этот блеск, в том числе с ненавистью, сатирой Слонова. Можно сколько угодно твердить про «протест», но олимпийские кольца в виде петель виселиц — это ненависть к олимпийскому движению. Ненависть за бюджетные деньги.

Теперь — к вопросу о цензуре. Выставка закрыта (на самом деле — перенесена). Цензура творчества запрещена — а при чём тут цензура? Речь идёт об ответственности чиновников (начиная с председателя оргкомитета и включая «культурных» вице-премьеров, вице-мэров и далее к их подчинённым) за то, что они покупают за бюджетные деньги. Нам (городу и краю, а значит, жителям) много раз продавали за бюджетные деньги наряду с достойными покупками отстой и дрянь, глумление и плевки — кому в рожу, кому в душу.

Помните слова одного из священников после «Евангельского проекта»? «Какой же ад в душе этого художника». Но за религиозные чувства тогда вступать было не принято. Меня, агностика, покорило неуважение к христианам. Огорчила ненависть. Большинство тех, кто видел и обсуждал, нервничали и возмущались. Частный проект независимого музея. Свободный.

Так вот, для меня ключевое — способ оплаты. Если (бы) спонсор купил и показал те же виселицы вместо олимпийских колец, я бы поплевался, понадеялся на то, что Национальный олимпийский комитет отсудит у спонсора моральный ущерб, и всё. А тут — бюджет. И вопрос председателю оргкомитета: «Геннадий Петрович, вы это позволили Марату Александровичу продать жителям на городские и краевые деньги?» Недоумение. Ну при чём здесь цензура?!

И вопрос к нашей «главной по культуре»: «Надежда Григорьевна, это — ваше?»

А далее начинаются политтехнологичные действия Гельмана. С его слов, Геннадий Тушнолобов видел (принял) выставку, даже смеялся. То есть знал, что покупает. Его опровергает Тушнолобов: «Увидел после скандала, возмущён». Плохо, конечно, что после скандала решил увидеть, за что деньги платит.

Далее — ладно, облажались, потратили деньги на уродство. Передумать и перестать показывать оплаченное — не цензура, а управленческое решение, в этот раз верное. Удалили кусочек ненависти с городка счастья «Белых ночей».

Вопрос: а почему не всю ненависть-то удалили? Девушка (не спортсменка), летящая головой вниз с высоты. У нас что, пропаганда суицида уже отменена? Интересно, что первым заметил это и возмутился депутат гордумы из далёкого и не имеющего отношения к нашим разборкам Ульяновска.

Как допустили? Марат Гельман раскрывает тайну: а не могли не допустить.

«Мы бы не допустили кураторов от краевой власти ни к «Белым ночам», ни к музею, даже если бы они захотели. Цензура в России запрещена, а кураторство со стороны властей как раз можно назвать формой цензуры».

Эй, власть! А вы знаете, что нанятые вами сотрудники имеют вас в виду и не допустили (бы) вас к подготовке оплачиваемых вами проектов?

И снова — при чём тут цензура? Плохой художник вправе малевать что угодно. Талантливый художник вправе творить что угодно. Оргкомитет должен: а) считать деньги; б) думать, что покупает.

Одновременно уважаемый Марат Гельман заявил, что (раз так!) он может покинуть Музей современного искусства PERMM. Это он так обиделся на информацию о своём окладе. Ну что ж, Гельман часто обижается, вот недавно интеллектуала Игоря Аверкиева «дураком» назвал от обиды, что смешно (и явная неправда). Он может обижаться. Он может поставить вопрос о том, чтобы уйти, и о том, чтобы остаться. Но сначала пусть ответит на все вопросы (или слухи) о финансировании, о прозрачности, о бюджетной дисциплине, об адекватности оплаты выполненных работ. Если всё и чисто, то его личный оклад — претензия (или не претензия) не к нему, а к его нанимателю.

Если же слухи (или информация) о «распилах культурного бабла» — правда, то просто уйти недостаточно.

И, может, кто знает, если PERMM — музей, а не выставочный зал, то меня как жителя очень интересует размер коллекции музея, которая достанется наследникам нашего поколения благодаря Марату Александровичу. Если её нет, то почему, а если есть, то хотелось бы услышать мнение сторонних экспертов о её культурном и финансовом значении.

Вопросов много, но главные — о финансах. Слова Гельмана, что на выставке Слонова копии, так как это не живопись, где каждый мазок важен. Нам продали выставку принтов с картин? Или в договоре — картины? Если принты, то что купил оргкомитет? Если картины, то не мошенничество ли это? Как и не мошенничество ли продажа «Звёзд Сан-Ремо» на День города?

Оплаченная выставка демонтирована — деньги на ветер? Переехала в частный музей — как там деньги? Продажа билетов на оплаченные концерты — это законно?

Вопрос, который я слышу от многих: «Те люди, которым нужны эти выставки или концерты, почему получают их за счёт тех, кому не нужны?» На него у меня нет ответа, я не знаю, где тут нужный баланс.

Мне не важно, кто даст ответы — оргкомитет «Белых ночей», Контрольно-счётная палата, прокуратура или сам Марат Гельман. Важно, чтобы это были достоверные ответы. ■

«Чтобы задать правильный вопрос, надо знать большую часть ответа».

Роберт Шекли